

Марк Ривун — необычный человек с потрясающими музыкальными способностями. Когда он был маленьким, его родители погибли в авткатастрофе, а дядя даже с помощью многочисленных нянь не мог справиться с малышом. Причина — голос мальчика. Марк попал в детдом и через несколько лет, поняв свою особенность, научился управлять высотой голоса и удивительным образом влиять на людей. Своим голосом он может вызвать самые разные эмоции, но только не любовь, которой так жаждет. Марк решает, что причина в строении носоглотки, и однажды вскрывает горло успешному оратору...

Об этом человеке мне рассказал бывший сотрудник КГБ, дослужившийся до чина полковника, Сергей Васильевич Трифонов. Закончил он рассказ фразой, с которой начал:

— Композитор обладал уникальными способностями. Проще говоря, это был гений. Гений и жестокий убийца одновременно.

В начале рассказа я этому не поверил. Но сейчас признаюсь: Трифонов был прав.

Я обещал сохранить услышанное в тайне, пока полковник жив. Но даже после его ухода из жизни я долгое время не решался рассказать о Композиторе. Я опасался, что вы не готовы прочесть такое.

Однако история эта настолько уникальна, что я не в силах более держать ее в себе...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3845-9

9 786171 1238459

КОМПОЗИТОР

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

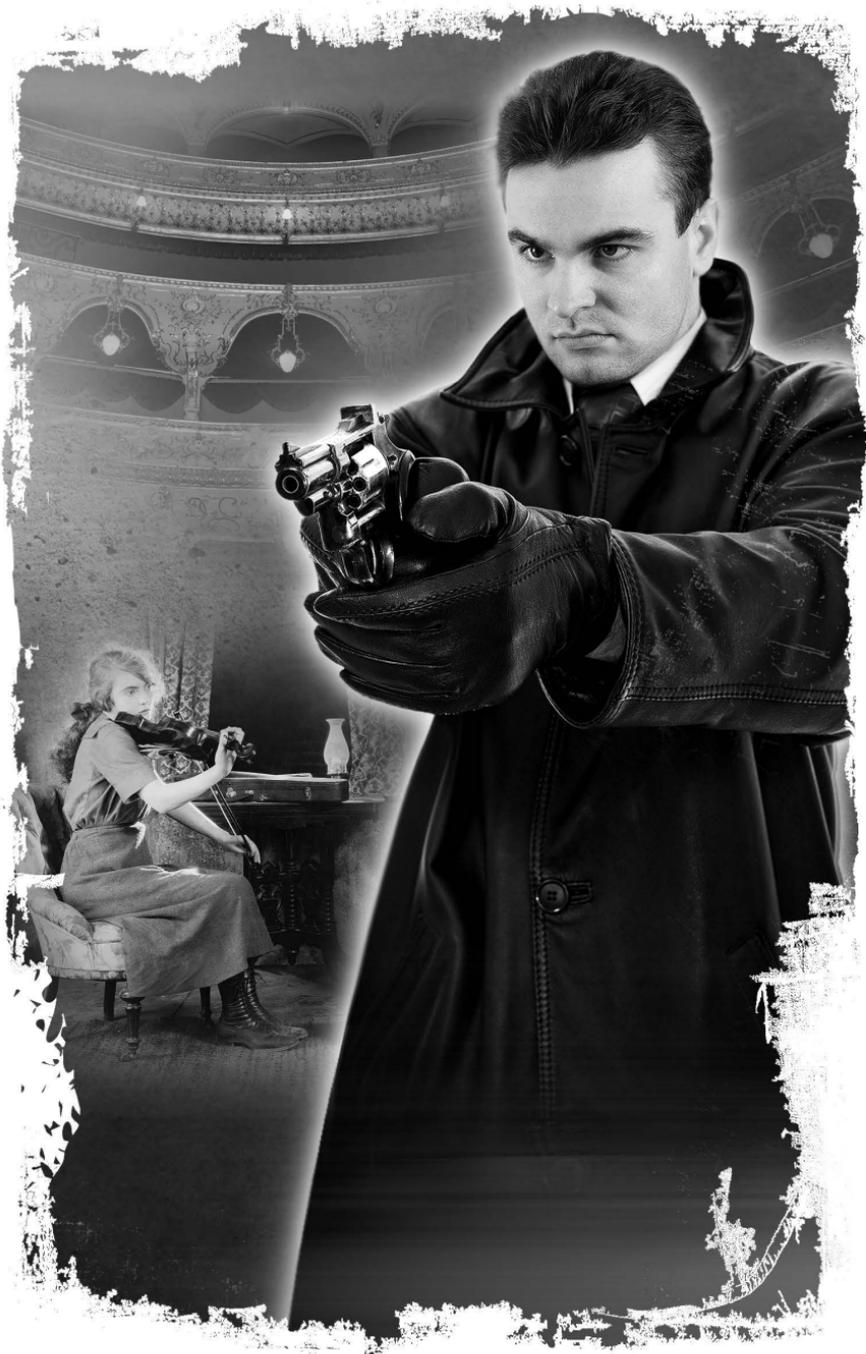

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

КОМПОЗИТОР

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

КОМПОЗИТОР

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

ISBN 978-617-12-3845-9

- © Бакшеев С., 2017
- © DepositPhotos.com / dabjola, Elnur_, everett225, galdzer, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Голос — второе лицо.

Жерар Боэ

Пролог

Об этом человеке мне рассказал бывший сотрудник КГБ, дослужившийся до чина полковника, Сергей Васильевич Трифонов. Закончил он рассказ фразой, с которой начал:

— Композитор обладал уникальными способностями. Проще говоря, это был гений. Гений и жестокий убийца одновременно.

В начале рассказа я этому не поверил. Но сейчас признаюсь: Трифонов был прав.

Я обещал сохранить услышанное в тайне, пока полковник жив. Но даже после его ухода из жизни я долгое время не решался рассказать о Композиторе. Я опасался, что вы не готовы прочесть такое.

Однако история эта настолько уникальна, что я не в силах более держать ее в себе и должен рассказать...

1

Прежде чем действовать, мальчик дождался, пока старинные напольные часы в служебной квартирке директора школы-интерната Зои Ефимовны щелкнули дважды. Механизм боя в часах давно вышел из строя, и тихие металлические щелчки, отмечающие начало каждого часа, обычный человек мог слышать лишь в пределах комнаты. Но двенадцатилетний Марк Ривун легко уловил звуковые колебания, прошедшие через десяток стен и межэтажное перекрытие кирпичного здания. Квартира директрисы занимала две комнаты в деревянной пристройке с правого торца

школы, а комната мальчиков пятого-шестого классов находилась в противоположном конце длинного корпуса на втором этаже.

Два щелчка — два часа ночи. К этому времени должны угомониться даже самые беспокойные воспитанники интерната. «Можно начать испытание», — решил Марк. Он лег поудобнее, расслабил мышцы и несколько раз глубоко вдохнул, чтобы унять ненужное волнение. Предстояла самая серьезная проверка уникальной способности: внушать окружающим безотчетный страх.

Марк откинул одеяло и в последний раз покосился на длинный ряд кроватей с мирно спящими пацанами. В этот час все были похожи на ангелочков: отъявленные хулиганы и хлюпики, задиры и плаксы, насмешники и тихони, двоечники и отличники. Но днем, как всегда во время летних каникул, мальчишки маются от безделья и большинство превращается в наглых драчунов и тупых уродов. Лучше и не вспоминать эти противные рожи! Если все пройдет удачно, он их больше не увидит.

Марк Ривун запрокинул голову, вперил холодный взгляд в низкий потолок и тихо завыл:

— Пожааааар, пожааааар, пожааааар...

Звук был низким и негромким. Лопухий подросток с безобразным шрамом на шее повторял это слово многократно, постепенно переходя на бас. Вскоре его голос стал совсем не слышен, но рот по-прежнему открывался, и по натужному выражению лица, вытянутой шее и вздымающейся груди было заметно, что мальчик продолжает кричать. Он беззвучно вопил во все горло. Из худого напрягшегося тела исходили невидимые и неслышимые колебания, которые свободно проникали сквозь перегородки и распространялись по двухэтажному зданию интерната.

От первых звуков проснулись лишь несколько мальчишек в комнате. Они тревожно таращились в черную мглу, соображая, чем вызвано гадкое беспокойство, — страшным сном или неясными криками. Но звуки быстро затихли, а непонятные волны страха все накатывали и накатывали. Один мальчик сорвался бежать, вскопчил, но стыд оказаться осмеянным сверстниками заставил его вернуться в постель. Он сжался в комочек под одеялом и зябко дрожал, безуспешно сдерживая плач.

Марк Ривун продолжал кричать — неистово, но совершенно беззвучно. Себя он прекрасно слышал, хотя понимал, что ограниченные людишки, окружавшие его, лишены этой редкой возмож-

ности. Сначала он четко твердил слово «пожар», но по мере погружения в низкий диапазон звуков это стало невозможно. Он лишь выдыхал шипящие волны. Они ударялись о детские тела, проникали внутрь и будили их.

Дети просыпались от жуткого страха. В соседней комнате запищали девочки. Кто-то из мальчиков крикнул: «Пожар! Горим!» — и после этого жалкий стыд окончательно уступил место всеобщей панике. Необъяснимый кошмар погнал всех из комнат. Дети вскакивали в темноте, бросались в тесный проход между кроватями, сталкивались и падали. По ним, стремясь к заветной двери, ступали следующие. Голые пятки давили животы, ребра и шеи упавших. Стоял невообразимый гвалт. Сбитые с ног пытались подняться, но их придавливали новые тела. Каждый был сам за себя. Все отчаянно кричали, толкались и давили друг друга.

Те, кому удалось выбраться в общий коридор, устремлялись к узкой лестнице. Подростки натыкались в темноте на перепуганных малышей, падали вместе с ними на пол и вновь вскакивали, подминая неокрепшие детские тела. На крутой лестнице кто-то с криком скатился по ступенькам. О него спотыкались остальные. Плачущие дети ломали руки, разбивали лица и отчаянно вопили. Многие звали маму, хотя давно были сиротами.

Видя, что из комнаты уже не выбраться, сообразительный высокий подросток выбил окно и прыгнул со второго этажа босыми ногами на осколки. Пока он выковыривал из пятки треугольную стекляшку, на него свалился заплаканный толстяк. Удар коленями пришелся по позвоночнику в районе поясницы. Высокий распластался на земле, попробовал отползти, но мгновенно онемевшие ноги его не слушались. Острая боль от порезов на ступнях также отпустила. Толстяк убежал, а подросток пополз, опираясь на локти, с трудом волоча нижнюю часть туловища. Он еще не осознал случившегося, и всепроникающий страх гнал его дальше от проклятого интерната.

Паника охватила не только школьников. Молоденькая воспитательница Любочка, дежурившая на первом этаже, выскочила из корпуса первой. Она до крови защемила палец засовом на двери. Вспышка боли на несколько мгновений привела ее в чувство и заставила задуматься о причине страха. «Горим! Пожар!» — решила длинноногая Любочка. Она бежала, позабыв о детях, пока забор школы-интерната не остался за спиной.

Тут она остановилась, взглянула на опухший палец и опустилась на траву. Заплаканные глаза смотрели на темное здание, детские крики напоминали о долге, но никакая сила на свете не заставила бы Любочку вернуться в кошмар, из которого она только что выбралась.

На втором этаже интерната дети всех возрастов, сбивая друг друга, металась по комнатам и коридорам. Никто не догадывался включить свет. Даже на первом этаже мало кто сообразил толкнуть захлопнувшуюся после Любочки дверь и выбежать во двор. Волны безотчетного ужаса гнали всех подальше от невидимого источника, словно в его эпицентре действительно бушевало жаркое пламя. Дети забивались в углы, прижимались к стенам и надсадно кричали. Паника усиливала страх и лишала остатков разума. Никто никому не помогал, маленькие и слабые оказывались под ногами старших и сильных.

Марк Ривун устал. Он шипел уже не так мощно, как сначала. Пружина страха, исходившая от него, ослабела. Школьники нашли двери и окна. Раздетые и покалеченные, они выбрались в прохладу июньской ночи и отхлынули от пугающего здания, как капли дождя отскакивают от зонтика.

Марк вытер одеялом вспотевшее лицо и с минуту лежал молча. Этого было достаточно, чтобы оценить состояние дел во всем корпусе. Оттопыренные уши зафиксировали стоны раненых и изменения в помещениях, вызванные массовым бегством. По распространению хрипов раздавленных малышей он легко определил, как сдвинулась мебель, какие двери распахнуты и где выбиты стекла.

Мальчик сел на кровать и огляделся. Увиденное подтвердило сформировавшуюся в сознании картину. Двдцатичетырехместная комната была пуста. В ней царил хаос: подушки и одеяла разбросаны, кровати сдвинуты, тумбочки перевернуты, окна разбиты... Марк знал, что подобное творится сейчас и в других комнатах. Достигнутый эффект ему понравился, но на осунувшемся лице ничего не отразилось.

Он спокойно оделся, прихватил узелок с заранее подготовленными вещами, прислушался. Ничего не изменилось. Все, кто мог, покинули территорию интерната. В корпусе кроме него осталось пять человек. Две девочки и мальчик на лестнице лежали и не могли подняться. Еще один паренек со стоном полз в коридоре пер-

вого этажа, постепенно продвигаясь к выходу. А пятой была директриса Зоя Ефимовна.

Видимо, она проснулась позже всех. Марк слышал, как разжались освобожденные пружины ее кровати, как тапки с твердой подошвой грузно прошлепали к окну, как разъехались по деревянной палке металлические кольца штор. Идиллия, да и только! Но он прекрасно помнил и другие звуки из квартиры директрисы, которые не давали ему покоя в последний месяц. Чмокающие полизывания самой красивой девочки класса Маруси Сиротиной и вожделенные вздохи Зои Ефимовны. Очередная симпатичная девчонка отработывала у властной, похотливой директрисы подачки в виде сладостей.

Так продолжалось все годы, что Ривун провел в интернате. Но предыдущие униженные девчонки были Марку безразличны. Иное дело — красивая сверстница Маруся Сиротина. Вот уже два месяца по субботам жирная директриса уводила ее к себе. Марк затыкал уши и накрывал голову подушкой, но все равно слышал непристойные движения языка подневольной девочки.

На висках Марка вздулись змейки вен. Он изменил свой план сразу покинуть интернат. Сначала он отправится в пристройку, где располагается квартира директрисы, нанесет ей «дружеский» визит. У него еще остались силы, чтобы «поговорить» с ней на языке болезненного, душераздирающего шума.

При выходе из комнаты, прямо у двери, Марк неожиданно наткнулся на Вовку. Удивляла не беспомощная поза единственного приятеля, а то, что, находясь буквально за стенкой, да еще и при открытой двери, Марк его не расслышал, не зафиксировал ни шороха, ни дыхания. Такого не может быть! Неужели его дар — слышать все — изменил ему?

Ривун склонился над неподвижным телом, понял, что Вовка не дышит, и сразу успокоился. Проверять пульс ему не требовалось. На таком расстоянии Марк расслышал бы малейшее биение сердца. Все в порядке, его талант никуда не исчез. Просто мертвые не издают звуков. Это он уже знал.

Перед дверью в квартиру директрисы Марк остановился и выполнил совершенно лишний, на его взгляд, ритуал — постучал. В детстве он долго не мог понять, зачем люди предупреждают стуком или звонком, если прекрасно слышны шаги подошедшего к двери. Только позже открылась удивительная тайна: оказывается,

возможности его слуха намного превосходят возможности любого другого человека.

По прогибающимся доскам пола прошлепали тапки, дважды щелкнул ключ, и перед Марком предстала испуганная Зоя Ефимовна в короткой ночной рубашке. Она обхватила подростка, прижала к мягкому животу и растерянно запричитала: «Пожар, пожар, пожар...» Марк представил, что вот так же в это рыхлое тело вжималось бледное лицо Маруси Сиротиной с огромными голубыми глазами. А пухлая ладонь настойчиво толкала ее ниже, к краю рубашки. Только испуганной девочке Зоя Ефимовна говорила другие слова, приправленные обещанием конфет и леденцов.

Марк оттолкнул ненавистную директрису. Его близко посаженные мутно-серые глаза затуманились, уголки бровей поползли вверх, тонкие губы зашипели:

— Ссука, жжжирная ссука...

Директриса отпрянула, словно ее оттолкнула мощная волна. Голос подростка становился все ниже, тяжелее, неразборчивее, только на шее, обезображенной шрамом, размеренно двигался кадык, а на лице едва уловимо шевелились губы. Вскоре она уже не слышала неприятного слова, но невидимые волны, исходившие от щуплого мальчишки, сделались интенсивнее и мучительнее. Неясный страх, разбудивший женщину, вновь набирал обороты. Ужас становился насыщенным и осязаемым. Он захлестывал, давил и рвал на части.

Она отступила вглубь комнаты, упала на кровать и задрала ноги, пытаясь защититься. С дрожащих губ срывался монотонный беспомощный стон. Вид постыдно развалившейся на постели плоти привел Марка в бешенство. Он наседа на директрису, изрыгая ругательство за ругательством. Мальчик хорошо слышал издаваемые им самим звуки, но давно убедился, что больше никто их не слышит. В книжке это называлось инфразвуком. Но для Марка Ривуна никакой границы не существовало. Он не только слышал в инфразвуковом диапазоне, но и мог порождать подобные звуки.

Сейчас Марк очень старался. Он видел, какие мучения производит его голос, и хотел их максимально усилить. Зоя Ефимовна, беспомощно отгораживаясь от неведомой силы руками и ногами, закрыла глаза и отвернулась, хотя Марк и не думал к ней

прикасаться. От невидимых волн, проникавших в сердце и мозг, невозможно было укрыться. Панический ужас сопровождался разрастающейся болью в голове и груди. Женщина обреченно закричала. Естественные колебания внутренних органов и мозга вошли в резонанс с внешним воздействием. Первым не выдержало сердце и остановилось.

Жуткий крик подростка оборвался на самой мощной ноте. Обессиленный Марк рухнул на пол. Острые лопатки приподняли тонкую ткань вылинявшей рубашки. У него не было сил даже пошевелиться, но он знал главное: единственный живой человек в этой комнате — это он, всеми презираемый и нескладный уродец с кривой шеей.

Через полчаса мальчик поднялся. Не глядя на труп в кровати, он забрал из-под белья в комоде припрятанные деньги и навсегда покинул интернат, в котором провел почти всю свою жизнь.

На рассвете 23 июня 1942 года Марк Ривун вышел из Острогжска и отправился в восточном направлении. С запада накатывал гром приближающейся войны, которая уже год двигалась по просторам Советского Союза. Пока ее слышал здесь только Марк.

Через час тщедушного паренька подобрала сердобольная баба на телеге с двумя малышами. Она бы наверняка равнодушно проехала мимо, жалея хилую лошадь, но Марк сам попросил ее. К своему удивлению, женщина не смогла отказать мальчишке с каменным лицом и изуродованной шеей. Для Марка в этом не было ничего необычного. Его способности не ограничивались нагнетанием страха. Когда требовалось, он мог произнести просьбу таким голосом, что каждый стремился ему помочь.

В школе-интернате всеобщий страх рассеялся только с восходом солнца. Воспитатели собрали и пересчитали разбежавшихся детей. Итоги таинственной паники оказались печальными. Трое воспитанников погибли в давке, еще несколько получили серьезные травмы, один пропал. В своей постели скончалась многолетняя бессменная директриса интерната, заслуженный учитель, коммунист с дореволюционным стажем Зоя Ефимовна Шехтель. Приехавший врач констатировал разрыв сердца.

К полудню подкатил помощник военного коменданта города лейтенант Сибирияков. Его привезли артиллеристы, вывозившие

за реку боеприпасы. Пока лейтенант разбирался в странном происшествии, шофер полуторки бегал за водой для перегревшегося двигателя. Никто не мог внятно объяснить, отчего возникла ночная паника. Несмотря на твердое убеждение Любочки, что в школе был пожар, Сибиряков никаких следов огня, запаха дыма или хотя бы сгоревшей тряпки в здании не обнаружил.

Тратить время на поиски причины глупых детских страхов лейтенант не собирался. С приближением фронта были дела и поважнее. Стоя у открытой дверцы автомобиля, он смотрел на вздымающуюся под ситцевым платьем грудь Любочки и колебался, дать разрешение на немедленные похороны погибших детей или перевезти их в морг при больнице. Но окончательно определиться Сибиряков не успел.

В отличие от лейтенанта Марк Ривун расслышал гул немецких бомбардировщиков задолго. Эскадрилья из шести самолетов пролетала над северной окраиной Острогжска. Маленький городок с разбомбленной железнодорожной станцией их уже не интересовал. Но вот один из «юнкерсов» неожиданно отклонился от общего курса и спикировал к зданию школы-интерната. Внимание пилота привлекло скопление людей у дома казарменного типа и стоявшая рядом машина с военными.

Первая бомба угодила в пристройку школы, обрушив угол здания, а вторая упала прямехонько под колеса грузовика. Снаряды в кузове тут же сдетонировали. Геройство лейтенанта, незадолго до второго взрыва прикрывшего собой Любочку, девушке оценить было не суждено. Взрывная волна превратила их молодые тела в кровавую грязь.

Грохот взрыва двух тонн артиллерийских снарядов слышал уже не только Марк Ривун. Баба, управлявшая телегой, вздрогнула, перекрестилась и ударила несколько раз поводьями по грязному крупу старой кобылы. Некоторое время после этого телега катилась быстрее.

2

Марк Ривун, в отличие от других обитателей детского дома, а затем и школы-интерната, никогда не мечтал о маме с папой и не за-

думывался о своем происхождении. Единственной сферой его интересов были звуки. Эта всепоглощающая страсть овладела его сознанием, похоже, еще в утробе матери.

Персонал роддома № 1 трудно было удивить громкими именами пациенток. Роддом являлся первым в Москве не только по номеру, но и по статусу. Жены многих известных персон прошли через заботливые руки местных врачей и акушерок. Но даже на их фоне киноактриса и певица Рая Коршунова была настоящей знаменитостью. Она прославилась благодаря патриотическому фильму «Колхозница», в котором сыграла главную роль. Фильм вышел весной 1930 года, а к сентябрю, когда Рая попала в роддом, половина городских барышень носили прическу, как у героини фильма. Даже цветастый платок, который актриса неизменно сдвигала на шею, вновь вошел в моду в обеих столицах.

Успех обаятельной артистке принес не только немой фильм, но и популярная песенка, звучавшая в то лето по радио чуть ли не чаще, чем речи товарища Сталина. По фильму зрители узнали неотразимую внешность Раи Коршуновой, а песня донесла до всех ее замечательный голос. Грядущая эпоха звукового кино обещала принести Рае Коршуновой всенародную славу.

Но жизнь распорядилась иначе.

Песни для Раи писал знаменитый композитор Александр Рамазинский. Вся театральная Москва только и говорила о том, что сорокапятилетний Рамазинский с первого взгляда безумно влюбился в белокурую красавицу Раю и отбил ее у не менее выдающегося, но еще более пожилого кинорежиссера. С тех пор давние друзья, режиссер и композитор, открыто враждовали, и новый музыкальный фильм с участием Коршуновой постоянно откладывался.

Сразу после съемок «Колхозницы» Рамазинский и Коршунова поженились. Народ охотно обсуждал перипетии любовного треугольника знаменитостей, и то, что роды у Раи случились раньше, чем истекли девять месяцев после свадьбы, придавало романтической истории особую пикантность.

В роддоме Рае Коршуновой, естественно, отвели отдельную палату с видом на тихий двор, а роды у нее готовилась принимать сама заведующая отделением Нинель Абрамовна Клячман.

Когда ранним утром 12 сентября у актрисы начались схватки, Нинель Абрамовна, разбуженная дома телефонным звонком,

отказалась от предложенного автомобиля. Сначала она сварила традиционный кофе, посмаковала любимый напиток и лишь затем отправилась пешком на работу. Жила она рядом с роддомом, в Арбатских переулках, и была уверена, что не опоздает. «Первенец дается женщине для испытания, — любила говорить опытный врач. — А испытание скоротечным не бывает».

Роды у знаменитой актрисы проходили тяжело.

— Давай, девочка, тужься, кричи. Кричи сколько хочешь, — подбадривала Раю Нинель Абрамовна, третий час опекая измученную роженицу.

Но просить об этом было излишним. Голосистая Коршунова вопила от души. В родилку заглядывали любопытные коллеги, желая первыми узнать, кто появится у звездной четы — мальчик или девочка. Строгая Клячман шикала на них и все больше хмурилась. Происходило нечто странное. Плод шевелился, когда роженица молчала. Но как только она начинала тужиться и кричать, он замирал и схватки прекращались. Нинель Абрамовне грешным делом даже показалось, что младенец затихал, чтобы послушать истошный вопль матери.

Так продолжалось несколько часов. Наконец, обессилев от собственного крика, измученная Рая закусил губу и умолкла. Она вспомнила, как прекрасно переносила беременность, пела и выступала вплоть до последних месяцев, и ребеночек не тревожил ее. Она была уверена, что поет не только для зрителей, но и для будущего малыша. Он всегда затихал и благодарно слушал ее, а сворочался только ночью, словно ему мешала тишина.

Невозмутимая акушерка Клавдия вытерла пот на лице актрисы и промокнула выступившую на губах кровь. Все затихло. Нинель Абрамовна подумала, что в схватках наступил перерыв и можно на несколько минут удалиться, чтобы привести себя в порядок. Но тут произошло долгожданное чудо. В абсолютной тишине плод довольно легко вышел на свет. Бледная как простыня актриса мужественно терпела.

Врач и акушерка переглянулись. Мальчик! Под марлевыми повязками губы обеих растянулись в победную улыбку. Акушерка засуетилась около младенца, пока врач приводила в чувство потерявшую сознание Коршунову.

Когда первые хлопоты закончились, акушерка вспомнила, что младенец до сих пор не закричал. Он вращал глазками, двигал

пальчиками, но не произнес ни звука. Клавдия любовно обхватила мальчика ладонью и шлепнула по попке. Сколько раз она проделывала эту нехитрую процедуру, после которой раздавался первый писк хрупкого организма. Голосок у деток был разным, но неизменно вызывал радость у роженицы и умиление у акушерки.

На этот раз младенец закричал неожиданно низко. Он вскрикнул, словно пробуя голос, и зашелся в жутком неприятном вопле с изменяющейся тональностью. У акушерки от испуга дрогнули руки, и она чуть не выронила ребенка. С трудом подавив брезгливость, Клавдия опустила новорожденного в передвижную люльку и, пошатываясь, отошла к окну. Пальцы сложились сами собой, и старая акушерка поспешно перекрестилась. Нинель Абрамовна опустилась на стул, прикрывая уши ладонями. На лице роженицы застыла гримаса усталости и разочарования.

А ребенок кричал с азартом первооткрывателя. Было видно, что он получает наслаждение от собственного голоса. Оттопыренные ушки ловили звуковые волны, младенец пробовал все новые и новые тональности. Изучив весь диапазон своих возможностей, ребенок успокоился и умолк.

Нинель Абрамовна с трудом вернулась в свой кабинет, приняла несколько успокаивающих таблеток и, закрыв глаза, откинулась на спинку высокого кресла. Время шло. Голова болела, умиротворение не приходило. Из коридора донесся крик новорожденного. Кричал обычный младенец, но в памяти сразу всплыл жуткий голос ребенка Коршуновой. «Он рядом и в любой момент может открыть ротик, напрячь голосовые связки», — со страхом подумала заведующая.

Нинель Абрамовна спешно покинула роддом и долго бесцельно бродила по московским улочкам под морозящим дождем, а когда пришла в себя, то почувствовала смертельную усталость. Она узнала район, в котором оказалась, и решила пройти через стройку, чтобы быстрее попасть домой, но на отвале влажного грунта поскользнулась. Странное дело — она даже не вскрикнула. Она вообще не произнесла ни звука с тех пор, как вышла из родильной палаты.

На следующий день тело Нинель Абрамовны Клячман обнаружили в глубоком котловане строящегося высотного здания.

Через семь дней к роддому № 1 подкатил шикарный черный «кадиллак». В те времена в Москве чаще встречались извозчики, чем легковые автомобили, а уж подобный четырехдверный лимузин с высокой жесткой крышей и вовсе был большой редкостью.

Усатый шофер в кожанке важно открыл заднюю дверцу, и оттуда с огромным букетом белых роз бодро выскочил композитор Александр Анатольевич Рамазинский. С глупой, но многозначительной улыбкой, свойственной всем обалдевшим от вынужденного счастья папашам, он исчез в высоких дверях парадного входа. Двадцать минут спустя в элегантном драповом пальто на пороге появилась несравненная Рая Коршунова. Букет она небрежно держала в районе талии. Сзади, неловко обхватив сверток с младенцем, следовал взволнованный композитор.

Защелкала фотокамера. Дежуривший с утра фотограф взял в прицел объектива звездную парочку. Певица поправила синий бант на младенце, кокетливо прижалась к мужу и заученно улыбнулась. Фотограф был счастлив. Трогательную сцену наблюдали все пациентки и сотрудники роддома, а также самые любопытные местные жители. Цветы в опущенной руке актрисы скрывали изменившуюся фигуру, но, глядя на ее сияющее лицо и умело подкрашенные глаза, все соглашались, что красота Коршуновой отнюдь не пострадала.

Долго себя рассматривать актриса не позволила. Автомобиль со счастливой парой и их сынишкой, блеснув на повороте хромированными вставками, покинул маленький дворик.

Акушерка Клавдия, прятавшаяся за шторкой, трижды перекрестилась и еле слышно помолилась. Хотя сын Коршуновой, нареченный Марком, после родов вел себя на редкость тихо, акушерка по возможности сторонилась его и с опаской обходила палату актрисы. А с тех пор, как стало известно о нелепой смерти Нинель Абрамовны, у Клавдии ноги подкашивались еще на подходе к роддому... Проводив тревожным взглядом автомобиль композитора, она почувствовала невероятное облегчение, словно отмылась от жирного слоя смердящей грязи. Неделю назад она мечтала, как будет хвастаться во дворе, если доведется принимать роды у зна-

менитой Раи Коршуновой. Но сейчас она многое бы отдала, чтобы в тот день не оказаться на работе.

Автомобиль между тем выехал к Москве-реке и помчался по пустынной набережной. Александр Рамазинский впервые видел сына так близко. Все время после родов из-за строгих санитарных правил он мог общаться с женой только через стеклянную перегородку.

Он спросил согласия молодой матери и приподнял кружевную накидку с личика младенца. Ребенок приоткрыл заспанные глазенки и с интересом посмотрел на отца. Толстые выступающие губы Александра Анатольевича расплылись в умильной улыбке. На пятом десятке он впервые стал отцом.

— Марк, Маркуша... — Резвый композиторский палец задвигался перед маленькими глазками. — У-тю-тю.

Ребенок проследил за бессмысленными движениями взрослого и недовольно вскрикнул.

— Ух ты! Горластый! — радостно удивился Рамазинский и до-тронулся до крошечного носика.

Это была роковая ошибка известного композитора. Дальше события развивались стремительно. Марк разинул розовый ротик и издал звучный утробный крик. Низкий голос столь не соответствовал хрупкому тельцу, что опешивший Александр Анатольевич отдернул руку и выронил младенца. Тот упал на сиденье и скатился ему под ноги. Задремавшая на мягком диване Зоя отшвырнула букет и наклонилась за ребенком. Упавший Марк закричал жутко и яростно, и она отшатнулась. Рамазинский закрыл лицо ладонями. Шофер в испуге крутанул руль к обочине. Автомобиль съехал с трассы и влетел под низкую наклонную опору моста.

Железная балка чиркнула по капоту, разнесла лобовое стекло и с диким скрежетом сорвала крышу автомобиля. Искореженный лимузин, в мгновение превратившийся в кабриолет, выкатился из-под моста, уткнулся в дерево и заглох. На заднем сиденье мирно покоились две обезглавленные фигуры. Белые розы рассыпались по багажнику и устилали асфальт под мостом.

Распахнулась водительская дверца, и на дорогу вывалился шофер с изрезанным лицом. Перед столкновением он успел наклониться. Балка не задела его голову, но размозжила правое плечо. Водитель в страхе отполз от машины, посередине набережной поднялся и, пошатываясь, добрался до парапета. Здесь он обернулся. Поясница уперлась в каменные перила, обезумевшие глаза затравленно

смотрели на развороченный автомобиль. Все стихло. Но ужас, исходящий от «кадиллака», продолжал незримо давить. Голова водителя запрокинулась, он потерял равновесие и рухнул в реку.

Маленький виновник трагедии мирно лежал под ногами обезглавленных родителей. Он совершенно не пострадал. В момент удара Марк затих и с удивленным благоговением впитывал новые для себя звуки: скрежет железа, бой стекла, звон лопающейся стали, хруст сломанного черепа отца, разрыв мышц на шее матери. Он легко делил общий шум на отдельные составляющие, и каждая из них была чрезвычайно интересной. Гениальный младенец расслышал даже всплеск от упавшего в воду шофера, шум его беспомощного барахтанья, бульканье всплывающих пузырей и шорох песка на дне от подхваченного течением тела. С этого момента он знал о реке гораздо больше, чем если бы просто взглянул на нее или потрогал.

Осиротевшего Марка передали на воспитание двоюродному брату композитора театральному критику Семену Львовичу Рамазинскому. Вместе с наследником брату отошла пятикомнатная квартира композитора в центре столицы и немалые сбережения. Со вкусом обставленная квартира Семену Львовичу понравилась, чего нельзя было сказать о двоюродном племяннике.

Пожилой одинокий критик детей не любил. И это мягко сказано. Он терпеть не мог плаксивых и капризных маленьких ублюдков, которые одним своим появлением начисто ломали сложившийся уклад жизни солидных родителей. Если у кого-то из знакомых появлялся ребенок, Семен Львович надолго терял к ним интерес, не приглашал к себе и, боже упаси, не переступал порог квартиры, пропахшей сохнувшими пеленками.

Но, видимо, каждый человек имеет в душе заряд любви, который надо на что-то расходовать. Объектами обожания Семена Львовича по молодости были смазливые актрисы, а после сорока, пресытившись краткосрочными романами, он неожиданно переключился на собак. Ему нравилось разгуливать по бульвару с крупным породистым псом, вежливо приподнимать шляпу при виде полезных знакомых и наблюдать животный страх в глазах мамаш, отдергивающих в сторону бестолковую малышню.

Сопливым племянник ему был совершенно не нужен. Однако сразу избавиться от него он не мог, это сочли бы верхом неприличия. На пышных похоронах знаменитого родственника и популяр-

ной певицы Семен Львович оказался в центре внимания сливок московского общества. Все сочувствовали ему и заверяли, что чудом спасшийся младенец наверняка унаследовал талант родителей, надо лишь дать мальчику достойное образование. Семен Львович неизменно кивал и заверял, что это его священный долг. Как всякий советский критик, он умел говорить одно, а думать совершенно другое.

Пришлось взять Марка к себе и нанять няню. И все бы ничего, если бы не вскрывшаяся странность. Многокомнатная квартира композитора, в которую переехал критик Рамазинский, позволяла вообще не встречаться с племянником. Но с маленьким Марком не могла ужиться ни одна няня. Кто-то сбежал через два дня, кто-то через две недели, но ни одну невозможно было уговорить остаться даже за двойное жалование.

— В чем дело? С несмышленным ребенком не можешь управиться? — укоризненно спрашивал Семен Львович очередную накупившуюся няню.

— Мальчик он симпатичный. Можно сказать, тихий мальчик. Но иногда так закричит... — Пожилая няня отвела глаза.

— Все дети плачут. Что тут такого?

— Дети пищат. У них голосок ангельский. А ваш... Он не хнычет, не плакнется, как остальные. Он ревет!

— Понимаю. Самому не нравится, но что ты хочешь? У Маркуши на глазах родители погибли страшной смертью.

— Вот и мне страшно, когда он ревет. Не могу себя заставить к нему подойти, бежать хочется куда глаза глядят. Вы уж извините меня, Семен Львович, но не могу я с ним. Отпустите. Может, нервы уже не те. Найдите няню помоложе.

Но с молодыми нянями происходило то же самое. Большинство исчезали без предупреждения, даже не требуя оплаты.

И настал день, когда Семену Львовичу пришлось ухаживать за племянником самостоятельно. Очередная няня неожиданно сбежала, а новую сердобольные знакомые обещали прислать только завтра. Рамазинский, конечно, мог себе позволить свободный график посещения редакции. Но вечерами в дни премьер его присутствие в театре было обязательным. А осень, как известно, пора самых важных премьер.

В этот вечер театр Мейерхольда давал официальную премьеру «Бани» Маяковского. Это была первая постановка скандальной

пьесы после громкого самоубийства поэта весной этого года. Подробная рецензия на следующее утро всенепременно должна была лежать на столе главного редактора.

Вечером Семен Львович брезгливо перепеленал малыша, сунул в склизкий ротик с прорезающимися зубками бутылочку молока с соской и стал дожидаться, пока тот насытится и закроет наглые глазки. Более хлопотного дня в своей жизни он не припоминал. Уход за ребенком извел его окончательно. Ему казалось, что он насквозь пропитался неприятным запахом детских выделений, который теперь никогда не выветрится. Вдобавок верный бульдог Герцог явно ревновал хозяина к малышу и постоянно лаял, заявляя о своих правах на прогулку.

Измотанный критик посмотрел на часы. Не хватало еще из-за несмышлениша опоздать на важную премьеру! Семен Львович громко выругался — и на бодрствующего ребенка, и на наглого кобеля, трущегося под ногами, — махнул на обоих рукой, накинул плащ и выскочил под промозглый московский дождик.

На спектакль он успел и до окончания представления выкинул из головы домашние проблемы. Затем последовала небольшая пьянка для избранного круга, которую ради приличия называли фуршетом. Семен Львович, активно налегая на дармовую выпивку, старался не забывать о главном. А главным для опытного критика было выяснить отношение ответственного работника комиссариата культуры к неоднозначной постановке. Но хмурый чиновник, сославшись на недомогание, покинул мероприятие неприлично рано. Что это: черная метка для спектакля или слабость здоровья кабинетного работника? От правильного ответа зависел общий характер будущей рецензии.

Раздражаясь от неопределенности, Семен Львович выпил значительно больше, чем следовало. В голове сталкивались две прямо противоположные идеи: разгромить постановку или написать хвалебную оду гению Мейерхольда. И то и другое прожженный критик мог сделать мастерски. Причем в качестве аргументов использовал бы одни и те же факты. Мысли путались, раздражение нарастало.

В этом сумбурном состоянии Рамазинский за полночь ввалился в квартиру. Его встретили вопли ребенка и намоченные собакой тапочки.

— Чтоб вас черти изжарили! — выругался критик, прошел в комнату и первым делом пнул нашкодившего пса.

Ребенок ворочался на мокрой от молока подушке. Бутылочка с выпавшей соской лежала рядом. Семен Львович выдернул подушку, отшвырнул и в сердцах приказал Марку:

— Спи, изверг!

Однако малыш не успокоился. Увидев слушателя, он завопил еще громче и противнее.

Рамазинский хлопнул дверью, прошел в кабинет и попытался сосредоточиться над чистым листом бумаги. Он понимал: статью надо написать сейчас. С утра замучит похмелье и будет не до работы. Но к вою ребенка добавился скулеж обиженного Герцога. Работа не шла, не рождалась даже первая фраза рецензии. Семен Львович потерял виски, зажал уши. От голоса пса удалось отгородиться, однако рев малыша по-прежнему сверлил сознание тупой болью. Он скомкал бумагу, придвинул свежий литературный журнал. Люди романы пишут, повести, а он над статейкой паршивой мучится!

Пальцы сжали красивый канцелярский нож, блестящее лезвие беспорядочно рвало склеенные страницы толстого журнала. Однообразное занятие не успокоило. Крик ребенка вонзался в голову, застревал в ней и накапливался разъедающей кислотой. Терпеть боль становилось невыносимо.

Рамазинский оттолкнул стул и метнулся в комнату племянника. Ладонь шлепнула по выключателю, глаза выхватили приоткрытый рот и напряженное горло малыша. От яркого света Марк закричал громче. Обезумевший Семен Львович зажмурился и ударил по источнику своей боли — хрупкой шее ребенка.

Крик стих. Семен Львович открыл глаза и увидел, что на белой простыне в маленькой кровати расплывается алое пятно. Пальцы разжались, звякнул, ударившись об пол, окровавленный канцелярский нож. В наступившей тишине боль отступала. Ее место занимал страх. Он — убийца ребенка!

Рамазинский вмиг отрезвел.

Вся жизнь наперекосяк из-за безмозглого сосунка? Ну уж нет! Сознание подыскивало варианты. Избавиться от тела? Но все знают, что он воспитывает племянника. Можно все списать на сбегавшую няню! Она действительно сбегала, сучка, даже не предупредив. Но ее наверняка найдут, сопоставят время и выяснят, что она невиновна.

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій

Композитор

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратилат*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 14.08.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturpaua». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 11 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БАКШЕЄВ Сергей

Композитор

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturpaua». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 11 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Марк Ривун — незвичайна людина з приголомшливими музичними здібностями. Коли він був маленьким, його батьки загинули в автокатастрофі, а дядько навіть за допомогою численних нянь не міг упоратися з малюком. Причина — голос хлопчика. Марк потрапив до дитбудинку й через кілька років, зрозумівши свою особливість, навчився керувати висотою голосу та дивним чином впливати на людей. Своім голосом він може викликати найрізноманітніші емоції, але тільки не любов, якої так прагне. Марк вирішує, що причина в будові носоглотки, і одного разу розтинає горло успішному оратору. Згодом подібних убивств стає дедалі більше.

Бакшеев С.

Б19 Композитор : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 256 с.

ISBN 978-617-12-3845-9

Марк Ривун — необычный человек с потрясающими музыкальными способностями. Когда он был маленьким, его родители погибли в автокатастрофе, а дядя даже с помощью многочисленных нянь не мог справиться с малышом. Причина — голос мальчика. Марк попал в детдом и через несколько лет, поняв свою особенность, научился управлять высотой голоса и удивительным образом влиять на людей. Своим голосом он может вызывать самые разные эмоции, но только не любовь, которой так жаждет. Марк решает, что причина в строении носоглотки, и однажды вскрывает горло успешному оратору. Со временем подобных убийств становится все больше и больше.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

Хитрый и расчетливый преступник по прозвищу Доктор придумал, как обмануть банкоматы. Фальшивые купюры — его спасение. Искусно и оправданно наказывая «Юпитер-банк», Доктор мастерски сводит счета со своими врагами: из-за них он потерял любимую работу, именно они чуть не убили его единственную дочь...

Боль и жестокость, подлое предательство и справедливая расправа. Доктор превращает месть в настоящее искусство. Но никто не знает, что им движет, и никто не догадывается, что в его жизни начался обратный отсчет...